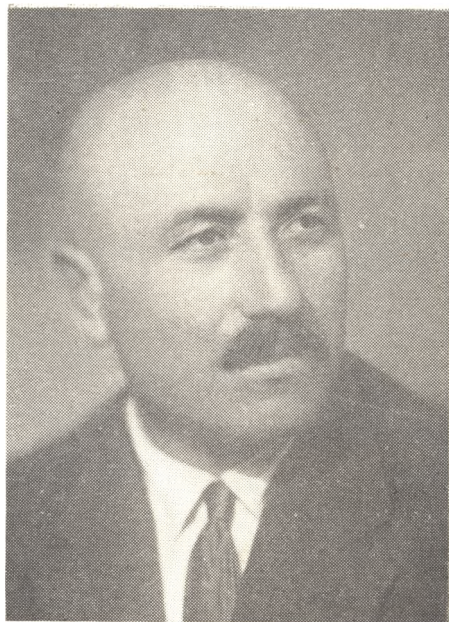

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 27

1965

Кайсын КУЛИЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЗАВЕЩАННЫЙ МИР

Кайсын КУЛИЕВ

ЗАВЕЩАННЫЙ МИР

СТИХИ

Перевод с балкарского

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1965

Кайсын КУЛИЕВ

Кайсын Шуваевич Кулиев родился в 1917 году в ауле Верхний Чегем, Чегемского района, Кабардино-Балкарской АССР. Печатается с 1934 года. В Великую Отечественную войну находился на фронте в качестве парашютиста-десантника и военного корреспондента. В переводе на русский язык вышли книги стихов и поэм: «Горы», «Хлеб и роза», «Я пришел с гор», «Мои соседи», «Земля и песня», «Огонь на горе», «Избранная лирика», «Горская поэма о Ленине», «Стихотворения», «Раненый камень».

Кайсын Кулиев — член КПСС, депутат Верховного Совета КБАССР, председатель республиканского Комитета защиты мира. Избирался депутатом Верховного Совета СССР. Награжден орденами и медалями.

* * *

Если цените вы и январь и апрель,
Если хлеб выпекаете вы,
Если ночью качаете вы колыбель,
Если слышите шелест листвы,

Если женщиной вы очарованы так,
Что в снегах закипают ручьи,
Я дарю вам на счастье, как верный кунак,
Белоснежную веточку алычи!

ПОЭЗИЯ

Поэзия — земля моя. Бывало,
Я ливнем был, поил твои луга,
Порою надвигался я обвалом
И с грохотом катил к тебе снега.

Под знаменем священным и высоким
Я был солдатом твоего полка,
Твоим притоком был, твоим потоком,
Когда казалось мне, что ты река.

Не богом, не пророком, богом данным,
Когда с туманом смешивался дым,
Наградой обойденным, безымянным
Твоим посыльным был и часовым.

Мне в жизни никогда не станет горько,
Казаться будет мне, что мир хорош,
Покуда я могу вставать на зорьке
И понимать, что ты еще живешь.

А ты меня за службу и за дружбу
Оберегай не от беды и гроз —
От легкой славы и от равнодушья,
Чтоб я тебе позора не принес.

ГРОЗА

На свете есть снег — он белеет и тает.
Есть грозы — весны без грозы не бывает.

Есть руки любимых — они горячи.
Есть пламя, что нас согревает в ночи.

Есть тихие песни и спящие дети,
Но жизнь без грозы не бывает на свете.

Мне слышится друга журчащая речь,
Мне дышится хлебом, садящимся в печь.

Есть в мире манящие далью дороги,
Орленок в гнезде, медвежонок в берлоге.

Есть память о детстве, родительский дом,
Есть листья, омытые теплым дождем.

Есть книги, на полках стоящие в ряд,
На свете есть небо, где звезды горят.

Но в мире есть грозы — они громяют.
Об этом одни лишь глупцы забывают.

МОЕМУ СЕРДЦУ

Сколько исходили тропок длинных,
Сколько переплыли быстрых рек!
Словно сок раздавленной калины,
Наша кровь окрашивала снег.

Ты бы испытало меньше вдвое
Горестей за свой короткий век,
Если бы не я владел тобою,
А спокойный, мудрый человек.

Сам тебя я не щадил нимало,
Не жалели, впрочем, и меня.
Торопил тебя я, гнал, бывало,
Словно вестник верного коня.

На меня не сетуй, конь мой смелый,
Я тебе без злобы делал зло.
Что поделать, если в пене белой
Бьешься ты и дышишь тяжело.

Я тебя не холил, не лелеял,
Но хоть загнан и от пены бел,
Конь лихой о том не сожалеет,
Что себя в дороге не жалел.

Не завидуй тем, кто неизменно
Мог беречь себя всему назло...
Если брошено в костер полено,
Можно ль тлеть и не давать тепло?

Жили мы — горели, не чадили,
Ну, а если было и у нас,
Что себя мы как-то пощадили,
Значит, мы не жили в этот час.

Мы цветы срывали, гром встречали.
Бой гремел, и мы бросались в бой,
Все рыдали — мы с тобой рыдали,
Люди пели — пели мы с тобой.

Не горюй о том, что было с нами,
Не жалея и не вини меня:
От огня чернеет даже камень,
Мы с тобой всегда в кольце огня.

Охотник, волку в пасть втолкнув кинжал,
Безжалостно швырял на землю зверя,
Но мотылька рукою отгонял
От пламени, зажженного в пещере.

Я тоже так на свете жить привык,
Жить, даже муравью добра желая.

Хочу, чтоб только чистую ледник
Гнал воду вниз, на солнце в зной сверкая.

Сижу, пишу. А за окном моим,
Играя, мальчик пробегает часто.
Хочу, чтоб счастье подружилось с ним,
Ведь это радость — видеть рядом счастье.

Пишу. А во дворе старик сидит,
И дерево задумалось с ним рядом.
Старик молчит, и дерево молчит,
Но оба смотрят вдаль спокойным взглядом.

А если будет вдруг подмят бедой
Старик, иль рухнет дерево от гуда
Ветров, иль мальчик станет сиротой,—
И я не буду счастлив. Нет, не буду.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я, люди, рожден на этой земле
Для того, чтобы вас любить.
Я ем ваш хлеб, омываюсь водой,
Принадлежащей вам.
И если мне бывает тепло,
То это от вашей любви.
И ваша радость — радость моя,
И ваше горе — горе мое,
Оно согнуть не в силах меня:
Ваша стойкость в крови моей.

Я все испытал. Все испытать —
Долг живущего на земле,
Которую то сжигает пожар,
То ласкает солнечный свет,
То моют ласковые дожди,
То оmyвает кровь.
Но в радостный час
И в горестный час
Я с вами бок о бок шел,
Я падал, вставал и жалобных слов
Старался не говорить.

Мужчины, я мужеством вашим горжусь,
Вы мне говорили: «Друг!»,
И руки мои были теплы
От пожатия ваших рук.
Одним я дымом с вами дышал,
В одних окопах с вами лежал,
Одна зола согревала нас,
Одна земля укрывала нас.
И пули с одним и тем же клеймом
Входили в наши тела,
И тогда замирали у нас на губах
Одни и те же слова.

Вы, женщины, были ко мне добры,
Хоть я вам и стоил слез,
Хотя из-за вас в моих волосах
Немало седых волос.
Но я, усталый от бурь и невзгод,
Засыпал на вашей груди,
И улегалась в русло река —
Смятенье моей души.
И впадали притихшие воды ее
В море вашей любви.
Вы своими руками кормили меня,
Вы своими руками поили меня,
Вы дарили меня
Любовью своей,
Вы родили меня
И моих сыновей,

Поэзия,
Ты для меня была
Единственной святой.
Тобою гордился, тобою жил,
Но я не молился тебе, а служил.
И если был в моей жизни хоть миг,
Когда я унизил тебя,
Я сегодня склоняюсь к твоим стопам:
— Прости заблужденья мои!

Я сегодня тебе присягаю опять,
Целую знамя твое.
Оно багрово, пробито в боях,
Как знамя моей страны.

Земля моя, где трава зелена,
Где ароматны цветы,
Земля, где хрустит под ногами снег,
Где песок под ногами хрустит;
Земля, где быстрые реки текут
И созревают хлеба;
Земля, где ночи сменяют дни,
Где трудимся мы, где боремся мы,
Я создан, чтобы тебя любить,
Я создан, чтобы тебе служить,
К тебе пришел я из небытия —
Оттуда, куда уйду.

Земля, я силен силой твоей,
Жизнью твоей могуч.
Я прижимаюсь бледной щекой
К смуглой щеке твоей.
Твоею радостью буду я жить,
Твоею сладостью дорожить,
Терзаться горем, кручиной твоей,
Пока не стану глиной твоей.

МОЛНИЯ

Молния! Даже названьем сверкаешь —
Так ты красива. Но вдруг ни с чего
С маху по дереву ты ударяешь,
В пепел, в золу превращая его.

Молния! Даже название искрится.
Что ж ты врываешься в окна домов
К детям, которым, наверное, снится
Завтрашний день, белизна облаков!

Молния, свет, озаряющий горы!
Рухни, полнеба на миг освети.
Только в аробщика или шофера,
Только во всадника не попади.

Молния! Змеи гнездятся в ущелье.
Их и казни гордой силой своей.
Но не деревья. И не колыбели.
И не промокших в дороге людей!..

Кто может выгоде в угоду
Кричать о том, что ворон бел,
Тот не поэт и не был сроду
Поэтом, как бы он ни пел.

И тот, кто говорит без риска,
Что плох хороший человек,
Пусть даже не подходит близко
К святой поэзии вовек.

За правду голову сложить
Дано не каждому, но все же
Героем может он не быть,
Но быть лжецом поэт не может.

СТАРИННАЯ ЗАПОВЕДЬ

Скажут: «Меньше тебя нет никого!» —
Ты не гневись.
Скажут: «Больше тебя нет никого!» —
Ты не гордись.

Будь стоек, как камни эти, молчащие
И в бурю и в снегопад,
Будь щедр, как деревья, тень приносящие
Всем, кто прохладе рад.

Учись, как потоки эти упорные,
Себе прокладывать путь.
Что б ни стряслось, как снега эти горные,
Чистым и светлым будь!

Я. Козловскому

Ты помнишь лето? Лес, трава кругом
И пятна крови нашей или вражеской.
С тех пор мне росы на лугу лесном
В закатном блеске алой кровью кажутся.

Мне и зима запомнилась навек,
Осевший снег в начале марта месяца.
С тех пор, когда я вижу талый снег,
Мне пятна крови на снегу мерещатся.

Мы были крепки, каждый, как скала,
Мы кладь несли, не чувствуя усталости,
И та беда, что где-то нас ждала,
Являла облик смерти, а не старости.

Не виделась нам старость впереди,
А нынче — еду ль, за столом сижу ли я —
Все чаще руку подношу к груди,
Каким-то чудом не задетой пулею.

Все чаще наяву или во сне
Те мальчики, не ставшие мужчинами,
В бинтах сырых являются ко мне,
И лица их не тронуты морщинами.

Мне видится огонь и облака,
И пулеметчики и пулеметчицы,
И степь, где скачет конь без седока,
И повод по земле за ним волочится.

Путь мой был труднее с каждым днем
В той дороге трудной к цели дальней,
Был я и железом и огнем.
Был и молотом и наковальней.
Был я дичью, крался по лесам,
Был стрелком. И кем я только не был!
Птицею был в клетке я, и сам
Птицу выпускал из клетки в небо.
Чем дремучей край, чем больше кладь,
Тем труднее путь землепроходца.
Лишь слепые могут полагать,
Будто зрячим все легко дается.

ГЛУХОНЕМОЙ

Бьются реки осенней порой,
Соловьи заливаются летом.
Даль гремит.

Что он слышит, глухой?
Что, немой, он расскажет об этом?

Птичьих песен ему не понять,
Петушиного крика в селенье,
Той молитвы, которую мать
Шепчет, веря в его исцеленье.

Он своих не расскажет обид,
Утром в путь он уходит недалний,
В молчаливую кузню спешит,
У беззвучной стоит наковальни.

Разжигает он черную печь,
Поднимает свой молот сурово,
И руками, обретшими речь,
Произносит заветное слово.

Я смотрел на работу его,
На широкие, смуглые плечи,
Мне казалось: его мастерство
Обладало и слухом и речью.

Закалял он железо в огне,
И своими большими руками
Говорил он такое, что мне
Не сказать никакими словами.

КИНЖАЛ

Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил,
За что в аулах матерями
Благословен и проклят был.

Сражал врага земли родимой,
Но и героя наповал
Рукой злодейской иль ревнивой
Ты, выхваченный, убивал.

Кружился ворон над убитым,
На весь аул рыдала мать.
К картинам этим незабытым
Причастен ты по рукоять.

И не тебя ль, когда был молод,
Носил отец мой на ремне?
Тобой в горах мой брат заколот.
Два чувства будишь ты во мне.

Двух этих чувств пойми причину
И за нее не обессудь,
Тебя вонзала храбрость в грудь,
А трусость всаживала в спину.

Сталь боевая обнажалась,
Холодная, была пряма,
А в ней то солнце отражалось,
То кровью запекалась тьма.

То был ты славен, то ничтожен,
В зависимости от того,
Кто вырывал тебя из ножен
И убивал тобой кого.

Порой ты беден был, но страшен
Своей чеканной простотой,
Порой насечкой был украшен
И рукоятью золотой.

Но там, где рек кипят истоки,
Тебя ковавший уповал
На то, чтоб ты, судья жестокий,
Безвинного не убивал.

Но самому тебе учсть ли,
Когда в минувшие века
Неволила, защитник чести,
Тебя бесчестная рука?

Я к равнодушным не причислен,
Иную славу я стяжал.
Ты дорог мне и ненавистен,
Кавказский кованный кинжал.

Чужой бедою жить не все умеют,
Голодных сытые не разумеют.

Тобою, жизнь, балован я и пытан,
И впредь со мною делай что угодно,
Корми, как хочешь, но не делай сытым,
Глухим, не понимающим голодных.

Одиночество я ненавижу,
Без людей клянусь я жизнь мою,
Если долго я людей не вижу,—
Словно от работы устаю.

Горец у друзей огня попросит,
Если у него темно в золе,
Спутника в горах в беде не бросит,
Если тот повиснет на скале.

Вот и я, чтоб стало мне светлее,
У людей огонь беру всегда.
Без людей дорога тяжелее,
А с людьми беда мне не беда!

Знаю, дней моих близка граница.
А за ней черед иных годин.
Время будет бесконечно длиться.
Только я один, всегда один.

Нет, поймите боль мою глухую —
Одному в земле сырой лежать:
С другом никогда не потолкую
И врага не встречу я опять!

Лишь мертвые не ведают тревог,
Не видят ничего они, не слышат,
А к нам тревоги входят на порог
И, как сентябрьский дождь, стучат по крыше.

Лишь мертвые не ведают забот.
А мы с тобой не мертвецы, не боги,
Нас пламя жжет, и снова в путь зовет
Привычный зов заботы и тревоги.

ГЛАЗА МАТЕРЕЙ

На свадьбах веселых поют сыновья —
Радость в глазах матерей,
На бурках погибших приносят друзья —
Горе в глазах матерей.

В глазах матерей и осенняя даль
И весна, что цветет у дверей.
Я видел и радость земли и печаль —
Я видел глаза матерей.

Льет дождик, и капли стучат по стеклу.
Приснилось мне детство: в горах на рассвете
Под елью столетней, прижавшись к стволу,
Укрылся мальчишка в дырявом бешмете.

Стекают потоки с зеленых высот.
Мне видится детство, я прячусь под елью.
Смеюсь я и плачу, а дождик идет,
И мокнут снега в Безенгийском ущелье.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ КЯЗИМА МЕЧИЕВА¹

Это книга иль это народа родного
Сердце, полное смуты, пыланья, томленья?
Слышу мудрой горянки душевное слово,
Слышу рев пораженного пулей оленя.

Это книга иль это народа родного
Сны, которые снились в ночные туманы?
Вижу крови следы на скале, вижу снова:
Тур срывается в пропасть, страдая от раны.

¹ Кязим Мечиев — великий балкарский поэт.

Это книга иль это народа родного
Боль, терпенье, и мудрость, и жизни начало?
Или это вода из ключа из живого,
Та, что горцев от ран боевых исцеляла?

Эта книга, как зов, что звенит издали,
Весть о тех, кто прошел, головы не склоняя,
Мимо бездны, взвалив на широкие плечи
Камни бед, камни горя сурового края.

Эта книга осталась, как их завещанье,
Эта книга — как память о времени злобном,
Эта книга — и встреча с былым и прощанье,
Эта книга — как надпись на камне надгробном.

Это к нам из-за гор голоса долетели
Тех, кому до мечты доскакать так хотелось.
Это ярость борца, это песнь колыбели,
Боль надежды, и ум, и безумная смелость!

Зловещие слова «Майданек», «Бухенвальд»,
«Освенцим» пахнут кровью и сегодня,
В них о погибших тяжкая печаль,
Она ничуть с годами не проходит.

Я в шуме ветра слышу песнь о ней,
Когда он вдоль ущелья пролетает.
Ждут матери поныне сыновей —
То по ночам для них ветра рыдают.

Майданек, Бухенвальд все снятся нам,
Как сжечь язык — слова промолвить эти,
Как будто там, убит, упал я сам
У проволоки ржавой на рассвете!..

ИГРАЮТ ШОПЕНА

Бьют капли по стеклам. Деревья блестят за окном.
Темнеть начинает. Молчит обезлюдивший дом.
Изранены сумерки, вечер смешался с дождем:
Играют Шопена.

Луна над землею. И девушка смотрит, бледна,
И руку на сердце свое положила она.
След крови на свежем снегу. И вокруг тишина:
Играют Шопена.

Готовые пасть за свободу в чистейшей из битв,
Бойцы атакуют. Кровь льется. Сражение кипит.
Но сил не хватает. Неправый опять победит:
Играют Шопена.

В пути журавли заблудились, курлычут, кричат.
Но как ни кричи, нет пути ни вперед, ни назад.
И ранен повстанец. Он прячет измученный взгляд:
Играют Шопена.

От стаи журавль отстает. Слышен клекот орла.
Журавль разбивается — брызнула кровью скала.
Вернулась зима и могилы опять замела:
Играют Шопена.

Хоронят бойцов — тех, кто пал за свой гордый народ.
И ветер о скорби притихшим деревьям поет,
Над бездной времен — безучастных снежинок полет:
Играют Шопена.

Мужчина сидит. Зубы сжаты — ничем не разжать,
Прикрыты глаза. Бесполезно его утешать.
Но волосы гладит ему его старая мать:
Играют Шопена.

Трава прорастает. И вновь оживает любовь.
И женские руки на плечи любимого вновь
Ложатся. Но нет, не забыты ни горечь, ни кровь:
Играют Шопена.

Растаяли льды и снега моей горной страны.
И речка звенит, и деревья опять зелены.
Рассвет. Перевалы уже отовсюду видны:
Играют Шопена.

ПРЕДКИ МОИ

Горец, кинжал не носил я бесценный,
Сабли старинной не брал я в бои.
Но не судите меня за измену,
Предки мои,
Предки мои!

Я не пою, а пишу на бумаге,
Мерю пальто городского сукна,
Но без терпенья, без вашей отваги
Грош мне цена,
Грош мне цена!

Я на своих опираюсь предтечей.
Так, зажимая рану свою,
Вы опирались друг другу на плечи
В смертном бою,
В смертном бою.

Я удивляюсь величию и силе
Песен, звучавших в минувшие дни,
Предок мой, прадед мой, нас породили
Горы одни,
Горы одни.

Вспыхнет весенняя молния где-то,
Сплю я, и кажется мне иногда:
Вместе мы скачем, и с наших бешметов
Льется вода,
Льется вода.

Видел я много не виданных вами
Стран и народов, неведомых вам,
Но, возвратясь, припадал я губами
К отчим камням,
К отчим камням!

Горец, кинжал не носил я бесценный,
Сабли старинной не брал я в бои.
Но не судите меня за измену,
Предки мои,
Предки мои!

Если, книг прочтя не меньше тыщи,
Ты сказал о жизни: «Ерунда!» —
Значит, больше знал слепец тот нищий,
Что и книг не видел никогда.

Наш народ недоедал, бывало,
Выбивался из последних сил,
Раненный, кусал от боли скалы,
Но о жизни так не говорил.

Наш народ, оплакивавший павших
И коней седлавший в грозный час,
Во сто крат достойнее, и старше,
И мудрее каждого из нас.

Тот, кто видит в небе только тучи,
Глуп, как боязливый человек,
Что, соскальзывая в пропасть с кручи,
Не за ствол хватается — за снег.

Тот, кто все ругает без разбора,
Накликает на себя беду,
Словно гость, клянуший дом, в котором
И ночлег нашел он и еду.

НОЧЬ И РАССВЕТ

1

Днем вижу платаны и слышу веселый
Плеск речки. И вновь мои мысли ясны.
Днем вижу я зданья, где жить новоселам,
А ночью мне снятся кровавые сны.
А ночью — война. Мое мертвое тело.
И мать в черной шали рыдает по мне
В ауле. Я ж, холм обхватив обгорелый,
Лежу. Не вернусь я: погиб на войне.

Днем радуюсь белым Эльбруса вершинам
И девушкам — так их улыбки нежны,
И книгам, и школьным товарищам сына.
А ночью я вижу кровавые сны.

А ночью опять генеральские лица
И стрёлки на картах. Проснусь... И опять
Мне снятся бездомные люди, мне снится,
Что некому мертвых земле предавать!..

2

Рассвет. Выбегаю, себя забывая:
Все живо: деревья, дома и цветы!
На небо смотрю — облака проплывают.
Жизнь, ты не сгорела, в цветении ты!

Рассвет. Все светлей небеса над домами,
Все: школы, кино, — как всегда, как вчера.
А ночью тревожно: враг снится и пламя,
В котором сгорает большая гора.

Поэт, ты тревожней душой, чем другие.
О Пушкин! Твой стих так просторен, богат!
Мне нравятся неба тона голубые,
Неужто их в черную пыль превратят!

Рассвет. О земля! Если ласточка-птица
Сломает крыло, боль и то так остра!
Рассвет. Он повсюду, он в окна стучится,
Вновь, радуя сердце, белеет гора!..

Дороге в грудь спокон веков
Стучали осликов копытца.
Сегодня снег над ней клубится
И слышен грузный шаг быков.

Красна калина на снегу,
И я, в плену былой тревоги,
Забыть след волчий на дороге
И пятна крови не могу.

Я помню: и снег был черный —
Так день этот был тяжёл.
И, с болью борясь упорно,
Шатаясь от ран, я шел.

Вокруг меня лес горел,
Казалось, я сгину скоро!..
Но я и тогда смотрел
На жизнь, как на белую гору.

ПЕСЕНКА

Вот песенка простая
О снеге на вершине,
О камне у дороги.
Вот песенка простая.

Вот песенка простая
О речке, что в теснине,
О дереве зеленом.
Вот песенка простая.

Вот песенка простая:
В лесу набрав малины,
Подходит к дому мальчик.
Вот песенка простая.

Чиста, как снег вершины,
Проста, как серый камень,
Звонка, как эта речка,
Та песенка простая.

Как мальчика улыбка,
Ты, песенка простая,
Ты веточкой мне снишься,
Кизиловой, зеленой.

На гроздья винограда пала снова
Кровавая холодная роса.
И снова тень побоища бывшего
Легла на пашни, горы и леса.

Не раз, не два на плечики ребячьи
Ложилось злого ворона крыло..
Но вечно живы свежий хлеб горячий
И колыбели мудрое тепло!

* * *

Тревога сердца озадачит,
Во мне отзовется стихом.
А маленький мальчик все скачет
На палочке тонкой верхом.

Беспечному всаднику сладко
По улицам мчаться с утра.
Ах, первая в мире лошадка,
Кобылка лесного тавра!

И мальчик не пеший, а конный
Несется навстречу векам,
И веточкой, веткой зеленой
Он хлещет тебя по бокам.

Немало ты верст проскакала
По лужам, асфальту, траве,
И сладостных мыслей немало
Родилось в его голове.

Резвей ты любых иноходцев
И внемлешь не только трубе,
И лошади всех полководцев
Завидовать могут тебе.

* * *

Я вижу, мама, день весенний,
Ты молода еще: я мал.
Уткнув лицо в твои колени,
Я слушал песню и дремал.

Ты, не откладывая дела,
Под мерный гул веретена
Про медвежат мне песню пела,
И уносила их волна.

Как искры на спине форели
В прозрачном озере весной,
Слова искрились, и горели,
И пахли ягодой лесной.

Ты пела звонко, пела тонко,
Тебя чужая жгла беда
Так, словно твоего ребенка,
Как маленького медвежонка,
Уносит полая вода.

И нынче, как тогда, в то утро,
Спой песенку про медвежат,
Пусть нам покажется, как будто
Сидим мы тридцать лет назад,

Что нет морщин от дней суровых,
И где-то старость далеко,
Что у меня на сердце снова
Светло, как в детстве, и легко.

СНЕГОПАД В ГОРАХ

М. Дахкильговой

В горах снегопад. Побелели холмы и дорога,
И скалы высокие — словно твоя красота.
Снег падает медленно, тихо, задумчиво, строго,
Как мысли мои о тебе в этот час и всегда.

Как будто плывут над ущельями белые птицы,
Идет этот снег не спеша, без труда, без помех.
Желаю сегодня охотнику не оступиться:
Охотничьи тропы невидными делает снег.

Нет ветра, мороза. Ушли облаками туманы.
Громады гранитные, белая ель на скале.
Снег падает плавно, бесшумно, с утра непрестанно,
Как мысли мои о друзьях, о судьбе, о земле.

Снег падает так, как свой сказ развивает сказитель:
Уверенно, вдумчиво, медленно, без суеты.
И кажется: все испытанья, надежды, события,
Вдруг став журавлями, сейчас облетают хребты.

Снег над дорогой стоит как завеса сплошная,
Вблизи и вдали — только снег, все хребты в белой мгле.
Снег падает плавно, идет, никому не мешая,
Как мысли мои о тебе, о любви, о земле.

Снег медленно падает, тихое белое чудо,
Чинары высокие молча на склонах стоят.
И кажется: снова я где-то далеко отсюда,
И мне только снится спокойный родной снегопад...

Был снег пушистым, словно кролик,
В Москве холодный был февраль.
Вдруг ты запела: «Лорик, лорик...¹» —
И в этот миг исчезла даль.

И я услышал плеск Севана,
И Арарат передо мной
Возник за дымкою тумана
В снегу под желтою луной.

И запах трав был стар и горек,
И опьянял он, как вино.
Ты нежно пела: «Лорик, лорик...»
И стыло в елочках окно.

Я видел тучи край лиловый,
Дороги мокрую спираль.
Я видел праздник вечно новый
И вечно старую печаль.

Засыпан снегом горский дворик,
А звезды трепетнее свеч.
И словно слышу: «Лорик, лорик...»
И годы сбрасываю с плеч.

Я знаю вкус меда и соли твоей,
Земля моя дорогая.
Снег твоих гор и травы степей
Я мял, к тебе припадая.

Я кланяюсь горным твоим снегам
И травам твоей равнины,
Твоим плугам, к чьим лемехам
Прилипли комочки глины.

¹ Лорик — перепелка (армянск.).

РУКИ ГОРЦА

Мгла над желтой чинарой,
Над осенней листвою.
Горец, труженик старый,
Покачал головой.

Сел он, седоволосый,
Чуть сощутив зрачки,
Положил он на посох
Две дрожащих руки.

Руки горца, знавали
Вы счастливей деньки:
Серый камень тесали,
Закаляли клинки.

Вы могучими были,
И не так уж давно
Вы пшеницу косили,
Ворошили зерно.

Вы и поле пахали
С незапамятных дней
И проворно седлали
Самых лучших коней.

Кровь водою смывали,
Разрывали бинты,
Голубиц обнимали
Неземной красоты.

Колыбели качали,
И ласкали детей,
И землей засыпали
Опочивших друзей.

Вы дома возводили,
Превращенные в прах,
Вы огонь разводили
В ледяных очагах.

Разгребали во вьюгу
С гор скатившийся снег,
Подвигали вы другу
Свой последний чурек.

Никогда не ленились,
Не жалели щедрот,
А теперь опустились.
Кто вас в том упрекнет?

Будь я живописцем, там, на скалах,
Как бы я тропинки рисовал!
Это мысли путников усталых...
Вот они, уйдя за перевал,

Тянутся в тени чинар зеленых.
Это матери моей печаль,
Как печаль тех сумерек бессонных,
Что уходит по тропинкам вдаль.

То печаль балкарок, кабардинок,
Матерей... О, кто бы написал
Горскую задумчивость тропинок
На вершинах и в теснинах скал!

Я ВЕРНУЛСЯ С ГОР

Вдохнувший снега вечного
И синевы озер,
Домой июльским вечером
Я возвратился с гор.

Еще клубилось облако
Косматое во мне,
И с ветром рука об руку
Я шел по крутизне.

Где горизонта линия
Лежит на гребнях гор,
И солнцем был и ливнем я,
Листвы вздымал шатер.

Будила вновь заря меня.
И в утренних лугах
Нес вместе с косарями я
Росу на сапогах.

И там, где тропы вклинены
В клубящийся туман,
Я пил из кружки глиняной
Целительный айран.

Во мне звучали выстрелы,
Цвели во мне, чисты,
На каменистых выступах
Рожденные цветы.

Во мне вершины гордые
Венчал весь звездный рой,
Когда вернулся в город я
Вечернею порой.

«Растет ребенок, плача» — есть пословица.
Но если плач ребенка слышу вдруг,
Так больно сердцу моему становится,
Как будто горы в трауре вокруг.

Я помню, как детей беда военная
Гнала в крови, среди выжженных путей.
Мне кажется: рыдает вся вселенная,
Когда я слышу плачущих детей.

КАМЕНЬ

Много раз я писал о тебе... Издавна
Были камнем богаты аулы нагорий,
И народ мой оставил свои письмена
В камне: мудрость свою, и надежду, и горе.

Мысль народов других в древних книгах жила,
В фолиантах хранились былого анналы.
А у горцев бесправных — скала да скала.
Мысль вверялась камням. Камни, камни и скалы —

Наши книги, история нашей земли!
Потому-то и камень везде в преизбытке,
Что столетия в нем свой язык обрели,
Это скорби и стойкости твердые свитки!

Вот надгробья, вот мельничные жернова,
Башни... Память о войнах, набегах, обвалах.
Выразительны камни, как будто слова.
Заливала их кровь, лунный свет заливал их.

Это плач матерей и томленья подруг,
Боль поэта и мысль мудреца-чародея,
И умельца движения чуткие рук,
Дух борца... Я читаю их, сам камня!

Сколько каменных я раскрываю страниц!
Это всадников-кровников единоборство,
Это крик полонянок и ропот темниц,
Это наших крестьян трудолюбье, упорство.

Это каменное их терпенье. Борьба
Их за жизнь. Их глазами глядят эти камни
На меня так внимательно! Предков судьба
В них живет и становится сразу близка мне.

В доме каменном, у очага, сколько раз,
Камень, ты согревал мои ноги босые!
Нам при жизни служил. А придет смертный час —
У могил имена сохранишь ты людские.

Я уйду, ты же будешь веками храним.
Нет без камня и дерева горской дороги.
Так недавно ты грел мои детские ноги
У огня... Скоро станешь надгробьем моим...

Ветер кажется белым-белым:
Он летел по снежным пределам.
Ветер кажется мне зеленым:
Он летел по лесистым склонам.

В нем — дыханье свежих платанов,
В нем — дыханье снежных становий,
В нем — дыханье древних туманов,
Запах меда и запах крови...

ТЕНЬ ГОРЫ

Он был горой. Ты — тень его. Ну что ж,
Быть тенью при горе не просто тоже.
Но все равно, пусть трудно ты живешь,
Ты тень горы и без горы не можешь.

Да, нелегко призвание твое —
Служить горе всю жизнь, не уставая.
Он был горой. Ты — тенью от нее.
Но у большой горы и тень большая.

Кремень — кремень и только.
Но, встретясь, два кремня
Становятся надолго
Источником огня.

Что наше сердце, если
Другого рядом нет?
Сердца лишь только вместе
Несут огонь и свет.

И я причинял вам, о женщины, горя немало,
Хотя не хотел, чтобы старились вы от обид.
Вас, правых во всем, тосковать заставлял я, бывало,
Поэтому сердце мое так болит и скорбит.
Нет, я не из тех, кто становится в бравые позы,
Смотрите, мол, я молодец, победитель, герой!
Сквозь ливни годов мне виднеются женские слезы,
И хлеб мой насущный мне кажется горьким порой.
— Простите меня! — Это, женщины, вам говорю я,
Почти не надеясь, что давнюю боль мне простят.
— Простите меня! — говорю вам и долго смотрю я
С горы моих лет, где тяжелый идет снегопад...

Солдат от боли умер до заката,
Ладонью даже сердце не прикрыл,
А я преемник этого солдата,
Который вас так преданно любил,

Как тот солдат, погибший в чистом поле,
Я вас люблю до слез. И потому
Я ваше сердце заслоню от боли,
Пусть будет больно сердцу моему.

Хочу остаться в памяти твоей
Не длинной повестью — четверостишьем,
Не долгою затяжных дождей,
А горным ливнем, хлещущим по крышам.

И пусть, когда ты вспомнишь про меня,
Услышишь ты не шаг усталой клячи,
А топот кабардинского коня...
Пусть будет так, я не хочу иначе!

На этой земле я был человек
Не лучше, не хуже других.
Зеленые травы и белый снег
Жили рядом в стихах моих.

Бросался я в волны холодных рек,
Слушал птицу и вьюги вой.
И мне, словно брату, кивал Казбек
Непокорною головой.

Я людям дарил на доброй земле
И песни и сердце свое,
Я равно любил на доброй земле
И розы ее и репье.

Любил людей, говоривших мне «друг»,
Твердых твердостью этих скал,
И травы, мягкие мягкостью рук,
Которые я ласкал.

ЛЮДИ МОЕЙ ЗЕМЛИ

Когда пахали, бурки сбросив,
Они в погожий день весны,
То были добротой колосьев
Их помыслы осенены.

Когда в час свадебного лада
Они плясали у стола,
В них добрый пламень винограда
Вздымал незримые крыла.

Но если боя дымный полог
Вновь над ущельем повисал,
Темнели очи их, как порох,
Долг чести искру высекал.

И земляки мои умели
(Народ в горах неприхотлив)
Спать на земле, как на постели,
Под ухо камень положив.

В дороге, под открытым небом,
Могли насытиться всегда
Они сухим ячменным хлебом,
Глотком воды из-под льда.

Настоем трав лечили раны,
Умели горе превозмочь
И от успеха в барабаны
Не колотили день и ночь.

КЛИНОК И РОЗА

Где зелень пробивается сквозь камень
И на плечи ложатся облака,
Мне дорог розы красноватый пламень
И лунный блеск холодного клинка.

Родную землю просьбой беспокою,
Я говорю ей тихо: — Не забудь,
Когда умру, ты мне своей рукою
Клинок и розу положи на грудь.

СОДЕРЖАНИЕ

«Если цените вы и январь и апрель...» Перевел Я. Козловский .	3
Поэзия. Перевел Н. Гребнев	3
Гроза. Перевел Н. Гребнев	4
Моему сердцу. Перевел Н. Гребнев	4
«Охотник, волку в пасть втолкнув кинжал...» Перевел Н. Коржавин	5
Стихи, написанные в день рождения. Перевел Н. Гребнев . . .	6
Молния. Перевел Н. Коржавин	8
«Кто может выгоде в угоду...» Перевел Н. Гребнев	9
Старинная заповедь. Перевел Н. Гребнев	9
«Ты помнишь лето? Лес, трава кругом...» Перевел Н. Гребнев .	9
«Путь мой был труднее с каждым днем...» Перевел Н. Гребнев	10
Глухонемой. Перевел Н. Гребнев	11
Кинжал. Перевел Я. Козловский	11
«Чужою бедою жить не все умеют...» Перевел Н. Гребнев . .	13
«Одиночество я ненавижу...» Перевел С. Липкин	13
«Лишь мертвые не ведают тревог...» Перевел Н. Гребнев . . .	13
Глаза матерей. Перевел Н. Гребнев	14
«Льет дождик, и капли стучат по стеклу...» Перевел Н. Гребнев	14
Надпись на книге Кязима Мечиева. Перевел С. Липкин . . .	14
«Зловещие слова «Майданек», «Бухенвальд»...» Перевел Н. Коржавин	15
Играют Шопена. Перевел Н. Коржавин	15
Предки мои. Перевел Н. Гребнев	17
«Если, книг прочтя не меньше тыщи...» Перевел Н. Гребнев . .	18
Ночь и рассвет. Перевел Н. Коржавин	18
«Дороге в грудь спокон веков...» Перевел Я. Козловский . . .	19
«Я помню: и снег был черный...» Перевел Н. Коржавин	19
Песенка. Перевел Н. Коржавин	20
«На гроздья винограда пала снова...» Перевел Д. Голубков . .	20
«Тревога сердца озадачит...» Перевел Я. Козловский	21
«Я вижу, мама, день весенний...» Перевел Н. Гребнев	21
Снегопад в горах. Перевел Н. Коржавин	22
«Был снег пушистым, словно кролик...» Перевел Я. Козловский	23

«Я знаю вкус меда и соли твоей...»	Перевел Н. Гребнев	23
Руки горца.	Перевел Н. Гребнев	24
«Будь я живописцем, там, на скалах...»	Перевел С. Липкин	25
Я вернулся с гор.	Перевел Я. Козловский	25
«Растет ребенок, плача»—есть пословица...	Перевел С. Липкин	26
Камень.	Перевел С. Липкин	26
«Ветер кажется белым-белым...»	Перевел С. Липкин	27
Тень горы.	Перевел Н. Коржавин	28
«Кремень — кремень и только...»	Перевел Н. Гребнев	28
«И я причинял вам, о женщины, горя немало...»	Перевел С. Липкин	28
«Солдат от боли умер до заката...»	Перевел Я. Козловский	28
«Хочу остаться в памяти твоей...»	Перевела В. Звягинцева	29
«На этой земле я был человек...»	Перевел Н. Гребнев	29
Люди моей земли.	Перевел Я. Козловский	30
Клинок и роза.	Перевел Я. Козловский	30

Кайсын Шуваевич Кулиев
ЗАВЕЩАННЫЙ МИР

Редактор **П. КРАВЧЕНКО.**

А 02360. Подписано к печати 19/VII 1965 г. Тираж 95 200. Изд. № 1367.

Зак. 1430. Формат бум. 70×108^{1/2}. Физич. печ. л. 1. Услов. печ. л. 1.37.
Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ КНИГОЛЮБОВ!

В издательстве «Наука» вышел интереснейший том из серии «Литературные памятники» — **А. И. ТУРГЕНЕВ. Хроника русского. Дневники.** 626 стр. Цена 2 р. 80 к.

А. И. Тургенев был близким другом А. С. Пушкина и Чаадаева, современником Вяземского и Жуковского. Многие из его писем, посылавшихся А. С. Пушкину из продолжительных заграничных странствований и публиковавшихся в журналах в период с 1827 по 1845 г., представляют необычайный интерес.

Перед читателями предстает образ одного из лучших представителей передовой интеллигенции первой половины XIX века. Из писем и дневников писателя мы узнаем о его встречах с великими французскими писателями В. Гюго и Бальзаком, Мериме и Шатобрианом. Будучи братом известного декабриста Н. И. Тургенева, А. И. Тургенев оказался в оппозиции самодержавию вместе с другими дворянскими писателями. Почти двадцать лет провел он за границей — во Франции, Германии, Англии, Италии, Швейцарии. Во всех этих странах он приобрел много друзей. Со многими известными литераторами, учеными, артистами, художниками, музыкантами и политическими деятелями первой половины XIX века знакомимся мы на страницах многочисленных писем А. И. Тургенева. «Хроника русского» — это прежде всего летопись западноевропейской культуры начала прошлого века.

Приобретайте эту книгу в местных книжных магазинах. Заказы можно также направлять по адресу: **Москва, К-6, Воронниковский пер., 12, отдел «Книга — почтой» магазина № 46.** Ваш заказ будет выполнен наложенным платежом без задатка.

Союзкнига.